

Владимир Василенко. Хабаровск

Уважаемая редакция! Пользуясь тем, что Ваш журнал именуется «Парнасом», т.е. является местом, объединяющим многие жанры и области творческого поиска, осмелюсь предложить Вам две повести из античного мира. Мои герои – реально существовавшие исторические личности, к сожалению, мало известные нашим читателям. Мы знаем из школьных учебников о Марафонской битве, скорее всего, по победам наших «марафонцев», того же В. Куца, и ничего более. А блестящий победитель в Саламинском сражении Фемистокл, наверняка, мало кому известен. А что мы знаем о Великом Кире (Курше) или о неожиданном приходе на царский престол персидского вельможи Дараявауша (Дария)? Эта история настолько загадочна, захватывающа и даже детективна, что диву даёшься!

*Владимир Демьянович Василенко,
член Союза писателей России.*

Изгой

(отрывок из исторической повести)

Фемистокл был чрезвычайно одарён от природы, и заслуживает в этом отношении, как никто другой, величайшего удивления.

Фукидид. История

465 год до нашей эры. Восточное побережье Ионического моря. Начало осени. Ранним утром к морскому берегу медленно двигалась открытая повозка, влекомая парой разномастных мулов. Властитель северо-западной области Эллады, называемой Эпиром, царь Адмет восседал чуть выше своего пожилого гостя, дружески напутствуя его:

– Я думаю, что твоё плавание, да поможет тебе Посейдон, будет вполне благополучным... Жаль только, что с тобою нет родных!.. У тебя ведь есть дети?..

Его спутник, довольно крепкий, шестидесятилетний мужчина с густой, в серебряных нитях бородой и курчавой седой шевелюрой, ответил негромко:

– Есть. Два сына и пять дочерей...

Адмет любопытно спросил:

– Они остались в Афинах?..

Спутник неспешно кивнул:

– Конечно. Они уже взрослые, и у каждого своя жизнь...

Царь взглянул на идущих по бокам повозки слуг – своих и гостя – и чуть понизил голос:

– А им ничего не угрожает?..

Сосед переспросил:

– Моим детям?..

Царь кивнул. Мужчина усмехнулся:

– Им нет. У нас же в Афинах демократия!.. Изгнали меня одного...

Адмет на минуту задумался, потом уточнил:

– А разве вина отца не ложится на его детей?..

Спутник пожал плечами:

– Ну, ещё чего! Дети тут не причём, и я думаю, это справедливо. Виноват я один...

– Значит, вся твоя вина досталась только тебе... – царственный сосед слегка улыбнулся. – Пусть так. А разве отцовские заслуги дети не вправе разделить? И почему?..

Гость искоса взглянул на хозяина, вздохнул и задумчиво произнёс:

– Трудно сказать. Это ведь зависит от нравов, принятых в каждой стране... – он на мгновение умолк, потом напомнил,

– У тебя есть сын, так?..

Адмет кивнул.

– И он – сын царя – когда возмужает, тоже станет царём... – сосед качнул головой. – И, значит, на него перейдёт твоя власть и величие, если они есть...

Царь не возражал, а пожилой мужчина невесело хмыкнул:
– Вот так! А в Афинах такого нет... И будь ты трижды сла-
вен и знаменит – твои заслуги могут кануть в Лету задолго
до твоей кончины... Знай об этом!..

У хозяина округлились глаза:

– Это как? И почему?!

Гость развёл руками:

– А так. Если ты не оправдал той должности, на которую
тебя выбрали или перестал удовлетворять запросы своих
граждан – тебя с позором изгонят! – он ткнул себя в грудь.

Собеседники примолкли, глядя поверх головы и плеч
возницы, словно отстраняясь от суетных каждодневных за-
бот. Всевластная водная стихия невольно отвлекла их. До
набегающих на берег волн было два полёта стрелы, значит,
где-то около пятисот шагов. А до торгового судна (триеры),
медленно колыхавшегося на морской глади, ещё две сотни...

Оба седока – хозяин и гость – глядя прямо перед собой,
думали примерно об одном: каждый понимал, что это по-
следние мгновения, которые они проживают вместе, а что
будет потом – известно только богам. Но, будучи людьми,
весьма далёкими друг от друга, и сблизившись лишь волей
случая, они едва ли пожалеют о скорой разлуке...

Царь Эпира – довольно молодой, полный сил мужчина,
конечно, был, если не рад, зато вполне удовлетворён, что
судьба нежданно свела его со знаменитым скитальцем, слава о
котором гремела по всей Элладе. А пожилой гость, нашедший
недолгий приют у молодого властителя, был ему искренне
признателен, но не желал и не мог остаться тут навсегда. И
тому, и другому это невольное сближение не принесло бы
радости и спокойствия в будущем.

Солнце ещё не выплыло из-за горизонта, но его робкие,
предутренние лучи чуть подсвечивали большой гористый
остров далеко в море.

– Это Керкира? – неожиданно спросил гость.

– А, это он, – подтвердил Адмет.

Спутник горделиво улыбнулся:

– Между прочим, его жители обязаны мне миром и покоем... Я когда-то предотвратил войну между ними и коринфянами...

Царь кивнул:

– Я слышал об этом... – он всмотрелся вдаль. – Киркиряне – жители острова – мои добрые соседи... И твою услугу они не забыли до сих пор...

Повозка, между тем, прикатила на кромку берега. Мулы остановились. Слуги, молча шагавшие сбоку от экипажа, помогли спуститься на землю седокам. Царь и гость оправили хитоны и осмотрелись. Невдалеке, на левом боку, обречённо лежало старое военное судно. Отжившая свой век трирема. Точнее, не лежала, а валялась. И даже не судно, а ветхий остов его, весь в пробоинах и трещинах, разошедшийся и заплесневелый...

Мужчины несколько минут, молча, созерцали жалкие останки, потом гость вздохнул и криво усмехнулся:

– Мой покойный отец, Неокл, однажды привёл меня, ещё юношу, в нашу афинскую гавань, показал мне на такое же страшилище и сказал: «Смотри, сынок, что бывает с бывшими государственными мужами. Их ждёт такая же судьба, стоит им утратить власть!.. И ничуть не лучше...»

Адмет непонимающе уставился на гостя: крупное, обложенное густой, седеющей бородой лицо с зоркими, близко поставленными глазами казалось суровым и непроницаемым. И трудно было понять, что ждёт оно от собеседника? Не получив ответа, мужчина пояснил:

– Он очень хотел отвлечь меня от любых честолюбивых мечтаний...

– Почему? – наконец выдавил царь.

Гость пожал плечами:

– Вероятно, отец был по-своему прав... – он вновь пристально и цепко всмотрелся в лицо собеседника, – но разве можно юного, самонадеянного, дерзкого сорванца удержать от лихих подвигов? Тем паче, если он родился полукровкой?!

Адмет чуть отступил:

– А разве ты не чистокровный эллин?

Гость усмехнулся:

– К сожалению, только лишь наполовину. Моя мать была фракиянкой... – он кивнул на одного из скакунов, мирно опорожнявших желудок, – выходит, что я, как тот мул, у которого отец – жеребец, а мать – ослица...

Царь улыбнулся в ответ:

– А по-моему – ничего страшного! У него тоже есть свои достоинства... Мул и сильней, и выносливей коня!.. Разве не так?..

– Насчёт силы не знаю... – гость имел в виду самого себя, – но терпения и выдержки мне не занимать!..

Адмет кивнул и повернулся к вознице:

– Эти лежебоки ещё не встали, что ли? – он показал на судно, лениво, с боку на бок, качавшееся на волнах, – а ну-ка, покричи этим шалопаям!.. Пора и честь знать!..

Кучер поднялся с сиденья, сложил ладони рупором и заголосил:

– Эй, вы, там! На палубе!.. Эй, отзовитесь!.. Вы живы?.. Эге-ге-гей!..

Мулы испуганно дёрнулись, встревожено запрядали длинными ушами и едва не опрокинули возницу. Он с трудом удержался на ногах. На корабле, из-под невысокого навеса на палубе, показался рыжебородый человек в коротком хитоне, выпрямился и приветственно помахал рукой.

– Это сам хозяин... – пояснил Адмет и приказал вознице,
– крикни ему, чтобы спускал лодку...

– Эй! – на всякий случай тот взял в руки вожжи, – лодку
сюда подавай!.. И быстрее!..

Владелец корабля согласно качнул головой, тут же нагнулся, видимо, в трюм и отдал кому-то команду. Из чрева судна вынырнула тройка гребцов в просторных рубахах и подобиях штанов, звонко шлёпая босыми ногами, побежала на корму, где лежала небольшая лёгкая посуда.

– Это твои подопечные? – спросил гость хозяина.

– Нет. Они родом с Самоса... У меня они закупали ячмень...

Солнечные лучи, поднявшись над горизонтом, разом осветили широкую водную гладь, которая заискрилась, засверкала яркими бликами, словно рыба чешуя. В неё шумно плюхнулась утлая остроносая шлюпка, и пара гребцов, лихо запрыгнув внутрь, дружно навалилась на вёсла. Гость повернулся к своим помощникам:

– Готовьте поклажу, мужики!..

Двое слуг – один чуть моложе, а второй – худой, седой, как лунь, старик с лохматой бородой, космами неприбранных волос и длинным горбатым носом, проворно и согласно сняли с повозки десяток туго набитых мешков. Судя по общему весу и объёму, в них хватало всего: и съестных, и одежных, и обменных, и денежных припасов... Царь критически окинул груз:

– Всё это в лодку вряд ли поместится!..

На что гость философски заметил:

– Ну, что ж! Придётся сделать пару лишних рейсов!..

Так и случилось. Как только шлюпка ткнулась носом в берег, те же слуги с помощью гребцов загрузили её до предела, горбоносый старик тоже влез туда, и шаткая посуда поплыла к кораблю. Гребцы налегали на вёсла с заметным усили-

ем. А на судне команда уже поднимала и закрепляла мачту, расправляла широкий квадратный парус. Освободившись от поклажи, лодка вернулась за очередной партией. Теперь в неё погрузили всё оставшееся, и второй слуга забрался следом.

– Добро, – удовлетворённо заметил гость, – плывите и возвращайтесь за мной.

Когда весь груз подняли на палубу, в лодку спустился сам хозяин судна и отправился на берег. Гость, заметив его, сказал:

– Царь, прошу тебя, не называй ему моего имени...

Адмет сокрушённо воскликнул:

– И что? Теперь ты всю жизнь будешь скрывать его?..

Спутник пожал плечами:

– А что мне остаётся?.. Таковы уж гримасы демократии...

– Сам виноват... – царь вздохнул, – ходят слухи, что ты был одним из её прямых отцов!.. Или я ошибаюсь?..

– Грешен. Каюсь... И это вынужденная плата за мой опрометчивый поступок! – пожилой мужчина развёл руками.

А лодка с владельцем корабля достигла берега. Гребцы помогли хозяину выбраться на сушу. Рыжебородый сорокалетний мужчина поклонился царю и виновато пояснил:

– Я отдыхал, и мои ребята тоже... Они до темноты трудились на погрузке...

– Триеру надо было ставить не вдоль, а поперёк волны, – лукаво усмехнулся гость, – тогда бы сон был короче...

Замечание было шутливым, но верным. Боковая, ласковая волна заботливо баюкала, усыпляла команду, а качка с носа на корму не давала бы желанного покоя. Царь и судовладелец понимающе переглянулись. Адмет показал на пожилого гостя:

– Возьмёшь к себе на борт этого человека и доставишь его, куда он скажет...

Корабельщик вопросительно взглянул на спутника царя и деликатно осведомился:

– А кто он и откуда, мой повелитель?..

И не успел Адмет открыть рта, его гость бросил судовладельцу:

– Ты ведь родом с Самоса?..

Тот невольно кивнул.

– Значит, ты – самосец... – мужчина ткнул себя в грудь, – а я из Афин... значит – афинянин. Так и зови меня, понял?..

Царь Эпира, улыбнувшись неожиданному ответу, успокоил корабельщика:

– Он не пират и не контрабандист – я за это ручаюсь! И за всё тебе заплатит сполна... Не тревожься!..

Судовладелец вздохнул и показал на шлюпку:

– Тогда прошу садиться...

Гость протянул царю обе руки, а тот, не колеблясь, обнял его. Они, на мгновение, радушно прижались друг к другу, смутно предчувствуя, что расстанутся навеки. Потом гость решительно шагнул к лодке, и гребцы хотели помочь ему, но он ловко перепрыгнул через борт, вовсе не нуждаясь в чьей-то услуге. А корабельщик вновь убедился, что нежданный пассажир – человек бывалый.

– Попутного вам ветра! – воскликнул царь и воздел кверху руки, – И да помогут вам боги!..

Судовладелец тоже, без помощи гребцов, забрался в шлюпку. Один из слуг царя упёрся руками в нос деревянной посуды, а гребцы разом навалились на вёсла...

Сентябрьское солнце уже поднялось довольно высоко, и на корабле всё было готово к отплытию. Команда только ждала корабельщика, деловито спешившего к судну, искоса поглядывая на таинственного пассажира. А тот, спокойно и безмятежно смотрел по сторонам, думая о чём-то своём...